

Современные старообрядцы Верховья, конечно, понимают, что совершенная изоляция от мира уже невозможна, но и смешиваться с ним они не хотят. В отдельных случаях жизнь заставляет их идти на компромисс (обучение детей в безбожной школе, прививки, фотографии на документы, служба в армии, попытки заняться коммерцией и т. д.). С другой стороны – они по-прежнему отказываются получать государственную пенсию, материнское пособие, любые другие выплаты и награды, не покупают продукты со штрих-кодом («антихристова печать») и т. д. Современные старообрядцы видят, что и молодежь уже не та, какими были они когда-то сами, когда воля родителей была законом для детей, и без родительского благословения дети не начинали ни одного дела и др. Однако в истинность и правоту старой веры, в то, что она со временем не исчезнет, старообрядцы верят непоколебимо. «Ну что ж, – говорят пожилые старообрядцы о молодежи, – “молодо-зелено, погулять велено”, это все пройдет, а от своей веры они не отойдут никогда, ниточка не прервется» [8].

Литература

1. ЦГА. Ф. 123. Оп. 2, ед. хр. 70. Л. 13-14.
2. Там же. Оп. 5. Д. 4. Л. 29-30.
3. Маслов П. Конец Урянхая. – М., 1933. Гл. 6.
4. Научный архив ТИГИ. Т. 714.
5. Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. – М., 1984. Гл. 1.
6. Научный архив ТИГИ. Т. 982. тетр. 17. С. 87.
7. Об отце Палладии см: Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. Гл. 1; Татаринцева М. П. Верхнеенсейский пустынник (устные и письменные источники об о. Палладии) // Культура как ресурс социально-экономического развития. – Улан-Удэ, 2010. – С. 376-385.
8. Полевые материалы автора.

УДК 281.93-3(091)(571.54)

doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-143-148

© *Д. Б. Фартусов*

Репрессивная политика советского государства в отношении старообрядцев Бурят-Монгольской АССР в 1930-е гг.

Работа позволяет увидеть репрессивный механизм советского государства, направленный против небольших религиозных объединений Бурят-Монгольской АССР в 1930-е гг. Опираясь на материалы Книги памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия, автор выявляет категорию священнослужителей из среды старообрядцев, подвергшихся политическому прессингу в период коллективизации. Особое внимание уделяется анализу данных по количеству начётчиков и уставщиков, привлеченных к наказанию. В заключение делается вывод о том, что репрессии против служителей культа и верующих активистов проходили в две волны – в 1929-1933 гг. и 1937-1938 гг. Если на первых порах в качестве меры наказания применялась высылка, то на втором этапе самой распространенной стала высшая мера наказания – расстрел.

Ключевые слова: политические репрессии, БМ АССР, преследования, старообрядцы-семейские, уставщики, начётчики, материалы архива Прокуратуры и ФСБ по РБ.

Repressive policy of the Soviet State towards Old Believers of Buryat-Mongolian ASSR in 1930s

The article reveals the repressive mechanism of the Soviet state addressed against small religious unions of Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialistic Republic in 1930s. Based on the materials of «Book of condolence of political repression victims of Republic of Buryatia», the author defines the category of ecclesiastics from the Old Believers who has been politically repressed during collectivization period. Special attention is given to the number of readers and priests prosecuted. In the conclusion the author states that repressions towards religious workers and religious activists had been executed in two waves in 1929-1933 and 1937-1938. The author notes that if at the first repression wave as a sentence was used an exilement, at the second wave the most common sentence became execution by firing squad.

Keywords: political repressions, Buryat-Mongolian ASSR, prosecution, Old Believers – semeyskie, priest, readers, Public prosecution office and FSB archival materials.

Историческая наука достаточно давно и активно занимается изучением истории репрессивной политики СССР. Публикуются как новые исследования, так и собрания документов, ранее хранившиеся строго под грифом «секретно». В то же время очень мало научных работ, которые бы выделяли старообрядческое духовенство как самостоятельный объект исследования. Поэтому целью настоящей работы является рассмотреть репрессивную политику Советского государства против представителей старообрядчества на территории БМ АССР по материалам Книги памяти жертв политических репрессии по Республике Бурятия.

В 30-е гг. XX в. в Советском государстве начинается организованная и планомерная борьба с религией, инициируется окончательное уничтожение религиозной жизни в стране. Для этого принимаются достаточно жесткие меры по усилению антирелигиозной пропаганды, по закрытию храмов и применению репрессивных мер к религиозным деятелям. Начавшаяся политика не стала исключением и для религиозной жизни «семейских» БМ АССР.

По официальным данным, в 1923 г. в БМАССР насчитывалось 81 старообрядческая церковь, часовня и молитвенный дом [1]. На 1 января 1930 г. данные по этой конфессии показывают сокращение их до 48. То есть в период с 1923 по 1930 г. на территории республики перестали действовать 33 старообрядческих храма [4], а к 1941 г. на территории региона не осталось ни одного действующего старообрядческого храма. Такое массовое закрытие зданий культа было вызвано тотальной коллективизацией, проводимой с помощью жёсткого административного нажима и административно-налогового давления в сфере регистрации и функционирования старообрядческих общин. Все это вызвало недовольство среди старообрядческого населения, в котором власть заранее выискивала «контрреволюционный элемент».

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. в старообрядческих районах республики регистрируются волнения, и даже целая серия восстаний. Только введение воен-

ного положения позволили правительству удержать ситуацию под контролем. В связи с волнениями проводятся первые крупные аресты, в среде старообрядчества. Основная же волна репрессий пришлась на 1937 г., когда после февральско-мартовского пленума ВКП(б) руководство страны стало оказывать мощное репрессивное давление на общество в целом и старообрядцев, в частности. Нередко репрессии затрагивали не только «кулаков» и отнесённых к ним крестьян, но и священнослужителей [5].

Работа над документами в архивах Прокуратуры республики позволяет нам из 12 750 человек, подвергшихся репрессиям по Республике Бурятия, не только выявить имена фамилии священнослужителей из старообрядцев республики, но и добыть ценную информацию о половозрастном составе, национальности, роде занятий, семейном положении, месте и дате рождения, мере наказания и т. д.

Во время следствия среди прочей документации (протокол обыска, протокол задержания, протокол допроса, свидетельские показания и т. д.) на подследственного заводилась анкета. В анкете указывались следующие данные: 1) фамилия; 2) имя и отчество; 4) место рождения; 3) дата рождения; 5) место жительства (адрес); 7) место службы и должность или род занятий; 6) профессия и специальность; 11) образование (общее и специальное); 10) социальное положение до революции и после революции; и т. д. Для исследователей эта анкета является наиболее информативным документом.

В то же время существуют некоторые трудности по уточнению данных из уголовных дел. Это было связано с тем, что они не всегда были написаны машинописным способом, из-за этого могут встречаться неточности в написании имён, географических названий. Также материалы уголовных дел велись не всегда корректно, с заполнением всех граф и полей, поэтому зачастую отсутствует информация, связанная с национальностью, вероисповеданием и родом занятий.

Опираясь на исследования В. М. Пыкина, мы располагаем сведениями, о том, что в местах компактного проживания старообрядцев (Бичурский, Заиграевский, Мухоршибирский, Тарбагатайский районы), всего по данным Книги Памяти было репрессировано 2 447 человек, что составляет 20 % от общего числа реабилитированных [6].

Проведя анализ материалов Книги памяти жертв политических репрессий по РБ, нами было выявлено 6 начётчиков, 13 уставщиков и 1 начётчик-уставщик (для сравнения в данный период времени арестам подверглись 1 864 буддийских лам (табл. 1).

В то же время, по данным А. В. Кострова, на территории республики по политическим мотивам было арестовано 27 старообрядческих уставщиков и священников [5]. Данный факт явно свидетельствует о том, что далеко не все репрессированные внесены в Книгу памяти жертв политических репрессий по республике.

Репрессиям подвергались не только верующие и члены их семей, в районах компактного проживания староверов Бурятии подверглись арестам и высылкам крепкие хозяйственники и одиночники из числа «семейских». Под маркой борьбы с «контрреволюцией» власть репрессировала не только уставщиков и

священников, но и других видных деятелей местного старообрядчества. В этом контексте интересны данные С. В. Васильевой, которая, опираясь на документы архива прокуратуры Республики Бурятия, утверждает, что на территории Бурят-Монголии репрессиям подверглись 736 человек из числа староверов, из них 102 были приговорены к высшей мере наказания [2]. В этом смысле показательными являются протоколы допросов, в которых, несмотря на короткие фразы – отрицания всех предъявленных обвинений, их обвиняли и в участии в «баптистской секте» и попутно во вредительстве, антисоветской и контрреволюционной агитации [1].

Анализ архивных документов ФСБ по РБ и материалы 7 томов Книги памяти жертв политических репрессий Республики Бурятия позволяют нам констатировать тот факт, что большая часть староверов-семейских проходили по 58 статье Уголовного кодекса 1926 года.

На основе документов архива УФСБ по РБ и Прокуратуры республики можно утверждать, что репрессии против служителей культа и верующих активистов проходили в две волны: 1929-1933 гг. и 1937-1938 гг. Если на первых порах в качестве меры наказания применялась высылка, то на втором этапе самой распространенной стала высшая мера наказания – расстрел. Та же тенденция прослеживается и в отношении староверов, что частично подтверждено данными, приведёнными в таблице 1.

Таким образом, мы придерживаемся мнения, высказанного А. В. Костровым о том, что при реализации репрессивной политики в деревнях, населённых старообрядцами, Советская власть, прежде всего, опиралась на представителей других групп населения. Этой опорой были как местные, так и приезжие выходцы из других социальных групп (партизаны, учителя, врачи и т. д.). Вместе с тем достаточно весомую часть социальной и политической опоры Советской власти в местах расселения старообрядцев составляли выходцы из этой среды. При этом нередко именно молодёжь, вышедшая из старообрядческих семей, отличалась активностью в строительстве нового общества.

Таким образом, политические репрессии конца 30-х гг. XX в. оказали серьезное влияние на внутриконфессиональную жизнь старообрядческих общин, так как многие служители культа и активные деятели старообрядчества республики были репрессированы. Взаимоотношения с другими общинами как в регионе, так и за его пределами, налаживавшиеся не одно десятилетие, были подорваны. Многие общины ослабли, потеряв часть активных членов из-за репрессий и активизировавшейся миграции. В культурное пространство старообрядцев вторгались элементы нового общества.

Таблица 1

№	ФИО и год рождения	Место проживания	Должность	Дата ареста	Статья УК и мера наказания
1	Васильев Фео- ксист Максимович, 1839	БМАССР, с. Куйтун	начётчик	1929	58-10, 58-11; 5 лет лишения свободы
2	Власов Василий Трифонович, 1895	БМАССР, с. Куйтун	начётчик	1929	58-10, 58-11; 10 лет лише- ний свободы
3	Ваставский Фёдор Климович, 1895	БМАССР, Хорин- ский р-н, с. Леоновка	церковный начётчик	1937	58-8, 58-11; ВМН
4	Перелыгин Ерма- лай Перфенович, 1874	БМАССР, Бичур- ский р-н, с. Петропловка	начётчик религиозного культы	1938	58-10; ВМН.
5	Болонев Терентий Игнатович, 1874	БМАССР, Тарба- гагайский р-н, с. Большой Куналей	уставщик- начётчик	1937	58-10; ВМН
6	Киреев Логантий Алексеевич, 1872	БМАССР, Му- хоршибирский р-н, с. Хонхолой	начётчик	1930	58-11, 59-3; 3 года лише- ния свободы
7	Чистяков Моисей Фадеевич, 1874	БМАССР, Верх- неудинский р-н, с. Десятниково	начётчик	1933	58-10; 5 лет лишения сво- боды.
8	Разуваев Еремей Варфоломеевич, 1883	БМАССР, Бичур- ский р-н, с. Бичура	уставщик, служитель религиозного культы	1937	58-10; 10 лет лишения сво- боды
9	Федотов Анкудин Михайлович, 1868	БМАССР, Бичур- ский р-н, с. Бичура	уставщик	1938	58-10; ВМН
10	Перелыгин Егор Иванович, 1864	БМАССР, Бичур- ский р-н, с. Бичура	уставщик церкви	1937	58-10; ВМН
11	Леонов Родион Фокеевич, 1900	БМАССР, Му- хоршибирский р-н, с. Никольск	уставщик	1933	58-10; 10 лет лишения сво- боды
12	Кушнарёв Ананий Гиригорьевич, 1899	БМАССР, г. Улан-Удэ	уставщик	1949	58-10, 58-11; выслан
13	Матвеев Матвей Содофеевич (Ор- дофеевич), 1866	БМАССР, Верх- неудинский р-н, с. Новая Брянь	уставщик	1927	58-6; 3 года лишения сво- боды
14	Антонов Иван Гаврилович, 1864	БМАССР, –	священно- служитель- ставщик	1929	58-10; ВМН

15	Митрофанов Александр Андронович, 1862	БМАССР, Мухоршибирский р-н, с. Хонхолой	уставщик	1930	58-11, 59-3; 5 года лишения свободы
16	Русин Пётр Федорович, 1854	БМАССР, Верхнеудинский р-н с. Н-Жирим	уставщик-старообрядец	1930	58-10; 2 года лишения свободы
17	Красинский Василий Вавилович, 1882	БМАССР, Мухоршибирский р-н, с. Мухоршибирь	уставщик	1939	58-2, 58-11; дело прекращено за отсутствием состава преступления
18	Фёдоров Федул Григорьевич, 1876	БМАССР, Мухоршибирский р-н, с. Мухоршибирь	уставщик, служитель религиозного культа	1938	58-2, 58-11; дело прекращено за отсутствием состава преступления.
19	Фёдоров Анкудин Силифонович, 1868	БМАССР, Бичурский р-н, с. Бичура	уставщик	1938	58-10; ВМН

Литература

1. Васильева С. В. Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия; Министерство образования и науки Российской Федерации, Бурятский госуниверситет. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. – 164 с.
2. Васильева С. В. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII-XXI вв.: историография источники; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 202 с.
3. Васильева С. В. Харбин в истории старообрядчества Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. История – 2009. – Вып. 7. – С. 126–130.
4. Костров, А.В. Старообрядцы Байкальской Сибири в начале XX в. – Иркутск: Оттиск, 2009. – 68 с.
5. Костров А. В. Старообрядчество Байкальской Сибири в переходный период отечественной истории (1905-1930-е гг.). – Иркутск, 2010. – 244 с.
6. Пыкин В. М. Старообрядцы (семейские) Забайкалья: историографический аспект // Бурятия: проблемы региональной истории и исторического образования. – Улан-Удэ, 2005. – Вып. 2. – С.192-202.
7. Сосковец Л. И. Антирелигиозные практики в системе репрессивной политики сталинизма // История сталинизма: репрессированная российская провинция: материалы междунар. науч. конф. (г. Смоленск, 9–11 октября 2009 г.). – М., 2011. – С. 369–367.
8. Фартусов Д. Б. Репрессивная политика в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 7. – С. 43–47.